

Алексей ПЕТРОВ

ОДИН ГОД НА КОРАБЛЕ

18+

Алексей Петров
Один год на корабле

«Автор»

2020

Петров А.

Один год на корабле / А. Петров — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-93432-0

Воспоминания отслужившего в Военно-морском флоте на одном из самых ходовых кораблей Новороссийской военно-морской базы. Кратко, без лишних подробностей и соплей в книге описаны особенности жизни на корабле. Неуставные отношения, шторма, боевые тревоги и много интересных событий, о которых автор вспоминает с улыбкой.

ISBN 978-5-532-93432-0

© Петров А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1. Призыв	6
2. КМБ	8
3. Новоросс	13
4. Три золотых дня	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Петров

Один год на корабле

Все персонажи и события вымышлены, а совпадения с реальной жизнью случайны.

1. Призыв

Окончив университет, я сразу получил повестку на осенний призыв – 2007. Мне хотелось поскорее сходить в армию и уже спокойно начать взрослую жизнь, где меня будут ждать начальники, офис, бумаги и все те прелести офисных планктонов, о которых я был слышан. После медосмотра нам с товарищем предложили самим обриться налысо – это было необычно, так как я никогда этого не делал. Когда я подошел к зеркалу, то увидел, как в отражении на меня смотрит какая-то нелепость. Я еще долго привыкал к себе обновленному.

Спустя две недели мы уже летели из моего родного города Надыма в город Ноябрьск, где находилась часть, откуда в разные уголки России «расфасовывали товар» в виде будущих лысых защитников Отечества. Самолет был небольшой, по спецзаказу. Кто-то даже умудрился пронести алкоголь, и все дружно за 30 минут полета немного окосели.

Военная часть находилась в двухэтажном доме, где нам сообщили, что в ближайшее время «свободы нам не видать» и заставили поставить перед собой сумки с вещами, вытащить все содержимое, а острые предметы собрать в одну кучу. В сумках у новобранцев был «мамкин набор»: какая-то еда (у многих завернутая в фольгу), вода и труханы с носками.

После к нам вышел боец, который, видимо, в этом распределительном пункте служил уже не первый год и голосом Бондарчука произнес:

– Добро пожаловать в доблестную седьмую роту!

Почти каждый день мы пили, не то чтобы я был любителем приложиться, просто там совсем было нечего делать. Мы просто сидели и ждали и каждый вечер смотрели фильм «9 рота», в принципе, откуда и позаимствовано приветствие старослужащего.

Так прошло около недели, пока не прибыли офицеры с разных регионов страны и не начали нас разбирать как товар (не знаю, что с моей фантазией, но так мне показалось). Моего товарища забрали одним из первых, его причислили в войска спецназначения (потом я узнал, что он служил где-то в горах, жили они в палатках, и дедовщина у них там была лютая). Вскоре я услышал свою фамилию:

– Петров!

Басом назвал ее высокий мужик в зеленой форме. Я даже как-то сначала растерялся, ведь Петровых у нас там было несколько.

– Петров Алексей! – повторил мужик.

– Я! Здесь я! – немного поперхнувшись, крикнул я.

– Военно-Морской Флот!

Мне и еще где-то 20 лысым выдали вещмешки с формой. Мы почти всю ее надели, так как на улице был собачий холод, температура стояла –43. Содержимое вещмешка выглядело следующим образом: зимние кальсоны, ватники, куртка и бушлат, а также шапка-ушанка и сапоги-кирзачи.

Погрузили нас в поезд, где под стук колес я отпраздновал свое 23-летие. Опять пили. Спустя два дня мы сделали пересадку в столице нашей Родины, на поезд, следовавший до Севастополя. Загрузились ночью и под стук колес уснули. Утром я почувствовал невыносимую жару. Открыв глаза, я увидел горы и зеленую траву! Хотя несколько дней назад лицо сковывало и сжимало от мороза. Лысые были удивлены и поражены, когда на какой-то станции, за полчаса до конечной, видели за окном бабок в халатах, сидящих вдоль перрона, продающих курицу и семечки. По перрону бегал паренек в шортах и майке, от одного вагона к другому, с пакетом мороженого.

Ближе к Севастополю наш сопровождающий объявил всем, что мы должны надеть на себя все то, что мы надевали в Сибири, то есть всю форму! В жару +20 градусов мы в бушлатах, шапках-ушанках и с вещмешками за спиной выстроились в шеренгу. Прибыл какой-

то «перец», а именно офицер, позже мы их называли «шакалами», и грубым тоном сообщил, чтобы все заткнулись и пошли строем за ним.

Вспотевшее и озадаченное лысое стадо в ушанках плелось в гору. Всю дорогу я умудрялся любоваться прекрасными видами. По мере подъема открывался вид на бухту города-героя Севастополя, в котором были пришвартованы к стенке (причал) военные и гражданские корабли. Морской свежий ветерок слегка обдувал лицо, немного освежая его, но это нас не спасало, так как солнце жарило беспощадно, и я ощущал себя «рыбой под шубой и в духовке». Вдоль нашего пути то и дело пролетали чайки, выкрикивая короткие приветствия, оглядывая свежее поступление в ряды морфлота.

Перед нами выросла крепость – это и была наша военная часть № 80367. Казармы, в которых нам предстояло жить, были построены в середине 19 века адмиралом Михаилом Петровичем Лазаревым. Здесь нам суждено было пройти КМБ (курс молодого бойца) в течение 45 дней и принять присягу. Позже я узнал, что здесь располагались русские войска в Крымскую войну с 1854 по 1855 год, во время 349-дневной обороны. В годы Великой Отечественной войны фашисты подвергли эти места обстрелу из всех видов оружия, давили артиллерией, авиацией, расстреливали из танковых пушек. Во время службы мы видели на стенах доказательства тех нелегких, оборонительных дней, в виде следов от обстрелов.

2. КМБ

– Стой! Раз-два! – крикнул офицер. – Первую неделю вы будете на карантине, чтобы не заразить остальных! Затем вы пройдете курс молодого бойца, после чего примете присягу и свалите по частям! Всем все ясно? А теперь бегом за мной, будете получать форму матросов! – громко, чтобы всем было слышно, проорал он.

Повторю: все это проходило после часового подъема в полной зеленой теплой амуниции. Мы сначала долго стояли, затем в каком-то подвальном помещении с низкими потолками встали вдоль стены, и к ногам каждого из нас разбрасывали элементы нашей будущей формы моряка! Гюйс (две штуки), трусы, бескозырка черная, бескозырка белая, шапка-ушанка, пилотка, черные брюки клеш, белая фланка (рубаша), синяя теплая фланка, кальсоны (две штуки), кальсоны теплые (одна штука), роба (рабочая рубаша, две штуки), штаны (рабочие, две штуки), тельняшка теплая, тельняшка простая (две штуки), прогары (рабочие ботинки матроса), лодочки (на удивление очень качественные черные туфли на выход, позже мои сперли на корабле, что было очень обидно), бушлат (короткое симпатичное пальто) и длинная шинель.

– Б***ь, да у меня дома меньше шмотья! – раздался озадаченный возглас недовольного.

– Кто это там пискнул? – вскрикнул раздававший нам форму мичман. – Вы думаете, на этом все? – усмехнулся он. – Все только начинается!

Затем мы получили шевроны, нашивки, «орехи» для головных уборов и нас отправили на обед. Столовая состояла из нескольких больших помещений, соединенных друг с другом арками. Каждый день там обедали около трех тысяч человек. Когда мы расселись, кто-то проорал:

– Раздатчики пищи, вста-ать!

Раздатчик пищи не назначался, а получался, то есть, когда мы друг за дружкой подходили к столу, самый последний оказывался этим несчастным. Это была самая нежелательная временная должность! Потому что в его обязанность входило начерпать каждому суп, затем второе и, помимо этого, успеть самому поесть, что многим толком не удавалось из-за ограниченного времени приема пищи. Еда там поглощалась без особого энтузиазма, так как она была приготовлена далеко не поварами с мишленовской звездой, а такими же, как мы, то есть на камбуз просто назначался наряд. Минута на доставку пищи до желудка – это было испытание для всех. Когда мы выходили строем из столовой, ощущение голода появлялось вновь.

После обеда нам дали время на перекур. Замечу, что это был один из редких моментов, когда нам было позволено свободно перекурить и пообщаться друг с другом какое-то время без каких-либо временных ограничений. Изредка старшие по призыву играли в фейерверк. Во время очередной такой «обкурки» старший по призыву кричал: «Салют!» И все должны были кинуть недокуренные папиросы вверх. Кому-то иногда прилетало на голову. К тому моменту я начал общаться со своими двумя земляками, Васей и Богунчиком, стоя в сторонке, мы курили «Парламент», купленный еще в России. Напомню, что Севастополь в 2007 году был украинской территорией, а военно-морская база была в аренде у России на сколько-то десятков лет.

Так вот, к нам подошли парни, которые уже какое-то время находились там, и стрельнули у нас сигареты, спрашивая:

– Чуваки, у вас не будет русских сигарет, то есть привезенных с территории России?

Очень странно был поставлен вопрос, на мой взгляд, ну мы, конечно же, их угостили. Но потом узнали, что все сигареты, продаваемые в Севастополе, были не особо привычные для нас, сам табак был горький. Короче говоря, через неделю мы так же стреляли русского табаку у вновь прибывших бойцов.

– Скинны есть? – раздалось где-то позади. Недалеко от нас «орлиной походкой» расхаживали лица кавказской национальности, их было четверо с нашего призыва. Все как-то смущались. Ни у кого не было желания с ними иметь дело, так как и так находились в месте со своими неведомыми порядками и сюрпризами. Но я тогда был удивлен смелости и наглости этих карачаево-черкесов.

После перекура нас определили в казарму на третьем этаже. Кстати, крепость была в четыре этажа и представляла собой П-образное здание с плацем посередине (заасфальтированная площадка для сборов, зарядки и занятия строевой). Войдя в казарму, нас встретили двое старослужащих. Один из них поднялся с качары (кровать) и актерским голосом громко сообщил следующее:

– Добро пожаловать в доблестную пятую роту!

Что-то мне это напомнило. Нас разбили по отрядам и назначили меня командиром второго отряда, так как я был одним из немногих, кто был старше остальных призывников. К вечеру командир нашей роты, высокий мужик лет 45, по званию капитан-лейтенант, выдал всем иголки и нитки и заявил, что у нас только одна ночь на то, чтобы ко всей форме, которую нам выдали, пришить все нашивки и погоны! Вот тогда я и вспомнил слова того мичмана, который, выдавая нам форму, сказал, что это только начало. Та ночь была очень долгой и муторной, так как я за всю свою жизнь никогда не держал иголки в руках – да что говорить, почти никто из лысых этого не делал.

Прошу извинить меня, не лысых, а «запахов». Объясню: по неуставным понятиям «запахи» были те, кто еще не принял присягу, «черепами» называли тех, кто уже принял присягу, через полгода посвящали в «караси», год службы – «годок», полтора года – «профсоюз», он же почти «дембель». Но мне, так как я после института, светило стать годком-дембелем. На сегодняшний день таких понятий уже нет и дедовщина, в том понимании, в котором я ее застал, отсутствует.

Так вот, после того как нам сообщили, что у нас только одна ночь на все про все, да еще устрашили нас нарядами и расправой, в случае если хоть мизинец войдет в пришитую к плечам погону или нашивку, все принялись вдевать нитку в иголку. Спустя три часа мои пальцы были набухшие, будто барабанные палочки. При попытке проткнуть толстую шинель, с пальцев текла кровь. Глаза слипались, а шить надо было еще больше половины. Замечу, что все это происходило в первую ночь нашего пребывания в Севастополе. Среди нас оказался «швейных дел мастер». Это был пухленький паренек, внешностью смахивавший на девушку. К нему выстроилась очередь замученных рыл и я в том числе. Наутро все было готово, но усталость была неимоверной.

В течение карантинной недели мы учились ходить строем, убирали листья с плаца, иногда даже ломом их подметали. Но вот спустя неделю нас включили в наряд на камбуз. Из 23 человек отправились 10 на чистку, 5 на мойку, 5 на готовку и 3 на раздачу. Я попал со своими товарищами, Васей Щербаковым и Андреем Богуном, на разнос посуды и пищи по столам. Это был один из самых моих ужасных нарядов за всю службу. Но нам повезло. В отличие от остальных, которые были подняты в три ночи и отправлены на камбуз, в логово тараканов, картохи и хлеба, нас разбудили на два часа позже. Столовка, где нам предстояло усердно поработать официантами, состояла из пяти или шести больших залов, переходящих из одного в другой. В каждом помещении стояло около 10–15 длинных столов с лавками, вместительностью примерно 15–20 человек. Кстати, в конце 19 века здесь был хлев для лошадей.

Нашей задачей было оперативно спустить лавки со столов, потом на телегах очень быстро и аккуратно развезти всю посуду и еду и расставить ее. Затем мы с бешеной скоростью должны были все собрать в телеги, отвезти на мойку. Тем временем мойщики, отмывавшие жирные кастрюли и сковороды, должны были переключиться на посуду, так как буквально через мгновение должна была прийти вторая смена голодных бойцов. Столовая не была рассчитана на всю

часть, поэтому завтраки, обеды и ужины накрывались по два раза на две смены. Так вот, подгоняемые мичманом (довольно борзым, по моему наблюдению, так как за каждый малейший косяк или медлительность кто-то даже получал подзатыльник) мойщики отмывали посуду, передавали нам, и мы опять с бешеной скоростью бежали и расставляли ее. И так в общей сложности для меня, Богунчика и Васи продолжалось шесть раз. К вечеру, когда закончился ужин, силы у нас были на исходе, ноги не ходили по причине мозолей на ногах из-за некоторых нюансов: кому-то прогары (рабочие ботинки матроса) выдали на размер меньше, а у кого-то, как в моем случае, они были на размер больше, нога там ходила как поршень в цилиндре. Так что картина была еще та. Передвигались мы как калеки. Глаза слипались, и хотелось уже в койку, но нам надо было еще помыть полы со столами и поднять на них лавки. И тут мичман принялся за нас конкретно. Под его крики мы мыли столы. С угрозами в наш адрес, на раскосяках, мы мыли полы.

Вдруг нашего Богунчика мичман ударил в живот за его нерасторопность, тот упал и в этот момент я уловил Васин растерянный взгляд, он мой тоже. И, созерцая все это, я вспомнил все, что слышал об неуставных отношениях, возникло сильное желание дать мичману в ухо, но это было лишь желание, так как голова моя говорила, что будут хрен знает какие последствия. Андрюша с извиняющейся улыбкой поднялся, взял тряпку и с троекратным усердием стал отмывать пол.

Вкратце об Андрее, он же Богунчик. Ростом он не мог похвастаться, да и волосами на голове тоже, зато он довольно веселый и добродушный паренек, который мухи не обидит. На следующий день после зарядки началась обычная процедура переключки и записи в мозольщики (я думаю, вы поняли, кто это – везунчики, как я). Я записался и больше в наряде в столовую я не попал, вот и славненько!

Ночная жизнь была довольно забавная, перед отбоем наши баночки (табуретка, на которой располагалась заведомо сложенная форма) проверяли старшие по призыву на аккуратность, после чего объявлялся отбой. Далее иногда следовала игра «Три скрипа»: за пять секунд вся орава в 50 человек должна была лечь на койки, после чего наши годки считали скрипы коек. Если они скрипели более трех раз, то объявлялся подъем. Все строились, а иногда даже заново одевались и все по новой. Игра могла длиться около часа. Веселая игра, не многим из нас она нравилась, что не скажешь о старослужащих.

За время КМБ мы проходили (пусть и нечасто) обучение военному мастерству, много времени уделялось строевой подготовке, также достаточно времени мы проводили за уборкой территории от листьев, которых было полно в ноябре-декабре в Севастополе. Раз в неделю, по субботам, у нас был ПХД (Полностью Х***й День, а точнее производственно-хозяйственный день), глобальная уборка в роте с мойкой полов, вытряхиванием матрасов и получением нового постельного белья. Мойка полов начиналась с того, что мы с помощью своих блях натирали мыло в обрезы (тазики) и затем мыльной водой драили помещение. А еще в этот день мы ходили в баню. Это одноэтажное здание с большим помещением, где и проходили купания. Вдоль помывочной были установлены краны, из которых мы наливали воду в тазы. Позже нам рассказали, что во Вторую мировую войну здесь был морг. С легким паром!

За время КМБ я был в разных нарядах: дневальным в роте, помощником дежурного офицера, караульным. И вот в один такой день, когда я был дневальным (задачей дневального было подчиняться дежурному, нести службу в установленном для него месте, обычно внутри помещения у входной двери, и быть в курсе всего), я заметил, как карачаево-черкесы своей компанией сидят и что-то там читают и смеются. Понаблюдав за ними какое-то время, я понял, что они вытащили письма из ящика для отправки, которые написали наши сослуживцы своим домашним, и этим развлекались, читая их.

– Ты ничего не видел! – сказал мне один.

– Я все видел! – ответил я.

Больше за этим гнусным занятием я их не видел, но осадок был неприятный, хоть моего письма там и не было.

Наступила середина декабря, и настал момент X: присяга, после которой нас должны были отправить в разные места службы. Выучив текст присяги наизусть, мы по очереди выходили и зачитывали ее на плацу. Народу было полно, помимо военных присутствовали родители и родственники. Нам повезло с Васей, так как к Богунчику приехала родственница на присягу и забрала нас троих в увал до вечера. Это была первая наша самостоятельная вылазка в город за два месяца. Нагладив форму, три «морских волка» выбрались на свободу, чтобы вдохнуть воздух гражданки перед настоящей службой!

Мы вышагивали вольной походкой в брюках клеш, цокая начищенными туфлями о брусчатку севавтопольских улочек, где когда-то в далеком XIX веке гуляли моряки после дальних походов и сражений. Зайдя в магазин, чтобы купить газировки, я был уверен, что девочки за прилавком сейчас будут стрелять своими глазками, но нет, произошло ровно наоборот... они даже не обратили на нас никакого внимания. Для них парни в форме – это было так же обыденно, как в больнице человек в белом халате. Ведь Севастополь – это многовековой портовый город, и, скорее всего, кто-то из их родственников или друзей как-то, но был связан с ВМФ.

Зайдя в «Макдоналдс», мы увидели матросов в иной форме и не с такими нашивками, как у нас. Это были украинские матросы. Они жевали гамбургеры и с какой-то неприязнью поглядывали на нас, наверно, завидовали нашей форме.

Настало последнее – медобследование. Каждый получил свою порцию прививки в задницу, которую делала бабулька с уставшими глазами. После измерения всех параметров (вес, рост, давление) мы по очереди заходили в кабинет к главврачу. Врач был полковником по званию, добродушный мужичок. Мне он сказал следующее:

– По своим параметрам ты подходишь для службы морпехом, что ты думаешь?

Я, недолго думая, ответил, что хочу на корабль. Он что-то подписал и пожелал мне хорошей службы. После нас, полуголых, построили в шеренгу. И тут вошел в помещение здоровенный подполковник со шрамом на лице, одетый по форме морпеха, а с ним двое рослых бойцов. У него был какой-то список, позже я понял: там были наши фамилии, тех, кого они себе отбирали в часть. Часть та называлась «Казачка», многие почему-то опасались ее.

– Петров! – низким голосом назвал мою фамилию здоровый подпол, а вернее, машина для убийств, по крайней мере, мне показалось, что он убивал и не раз.

– Я! – с какой-то появившейся уверенностью ответил мой голос.

Он неспешно подошел, посмотрел на меня, поглядел в бумаги и спросил:

– В морпехи пойдешь?

– Товарищ подполковник! – протараторил я. – Всегда хотел ходить по морям. Хочу на корабль.

– Хочет он, – усмехнулся и, пометив что-то в списке, удалился, а за ним и те двое.

Фу-ух, вроде пронесло...

3. Новоросс

Спустя несколько дней за нами пришел автобус, который должен был прямиком отвезти нас в Новороссийск. Так как было подозрение, что нас ожидает довольно интересное будущее, мы решили подготовиться и зашили деньги, которые у нас были, Васе в подштанники. Предвкушая что-то новое и, вероятно, опасное, мы покинули город Севастополь и, доехав до Керчи, вышли на досмотр на границе. Стояла глубокая ночь. Толпа военных молча курила. Ощущение волнения не оставляло нас. Никому не хотелось говорить, каждый думал о своем, а вместе об одном: что дальше?

Пройдя таможенную процедуру осмотра, мы сели в автобус, заехали на понтонную переправу, и я уснул. Проснувшись, понял: мы уже ехали по территории России, в Краснодарском крае, в направлении города-героя Новороссийска. Я наблюдал, как с гор поднимается солнце, вдоль дороги мужик гнал стадо коров, а где-то вдалеке виднелось море. Вдруг Вася дернул меня за рукав:

– Леха, дай телефон, мамке позвонить!

Через час мы уже были почти на месте. Подъезжая к полуэкипажу (воинская часть, откуда нас должны были забрать на коробку), мы увидели порт, он располагался вдоль бухты. Неподалеку стояли промышленные и военные корабли, а позади – горы, высокие и загадочные, прямо напротив моря, где шныряли от кораблей в порт и обратно лоцманские суденышки. Это был портовый, промышленный и необычайной природной красоты город-герой Новороссийск.

И вот наш автобус уже стоял у части, где, по-видимому, нас ждали «с распростертыми объятиями». Встречать нас вышло человек 15. Как позже выяснилось, в этой части проходили службу пара десятков человек, которых не брали по каким-то причинам на корабли. Им нравились поступления призывников, так как они на них (на нас) неплохо наживались. Молодняк, пока за ним не пришли с кораблей, выполнял разные указания осевших в полуэкипаже. Они-то нас и пересчитали, когда мы вышли из автобуса, и отправили в казарму. Но прежде чем дойти до нее, молодых по одному «приглашали» в сушильное помещение, где производилась процедура по поиску чего-нибудь ценного. Главным искателем и довольно борзым в своем поведении был один башкир. Он каждому угрожал и вел себя так, будто он здесь главарь. Но нет, позже оказалось, что он все это делал для своего дембеля. Пресмыкаясь перед ним, он с особым наслаждением издевался над молодыми. Мои деньги были усердно зашиты в Васины труханы, а вот с телефоном не повезло. В автобусе я дал его позвонить хозяину дорогого нижнего белья, а когда приехали, башкир с удовольствием его отобрал. Так мы остались без связи. В первую ночь мы слышали, как наши вещи шмонал башкир со своей бригадой.

– Эй, что вы там делаете? – спросил Вася.

– Закрой рот, а то шас по голове получишь! – слышали мы в ответ.

Так прошло несколько дней. За это время нам не давали нормально перекурить, с утра до вечера проверяли правильность укладки кроватей, заставляли драить полы, отправляли в наряды на чистку картофеля. Богунчика через три дня забрали служить в Мысхако (поселок под Новороссийском), и нас осталось четыре человека. В очередном наряде на камбузе мы с Василием обрадовались новости о том, что за нами скоро приедут. Узнав об этом, я подошел к башкиру и предложил ему отдать мой телефон, так как он нам был необходим для связи с нашими матерями, на что тот послал меня. Я, разозлившись, сказал:

– Земля, с*ка, круглая, увидимся!

После у Васи был какой-то замес с этим башкиром, на что он сказал, что мы и так смертники, так как попадем на «железо» (МТЩ «Железняков»), якобы там дедовщина и они очень ждут молодых.

Во второй половине дня в казарму вошли двое: высокий молодой офицер, старший лейтенант и старший матрос, позже мы его будем называть Еремой. Я, Вася, Новожил и Горох оделись по форме, забрали вещмешки и направились долой из этой части. Через полчаса, выйдя из автобуса на остановке, я увидел высокое белое здание – это был штаб НВМБ (Новороссийской военно-морской базы). Поодаль от него расположились стенки (причалы), направленные в сторону моря, вдоль которых были пришвартованы военные корабли. Я никогда не был на корабле, а на военном тем более.

Пройдя по стенке в направлении нашей коробки, мы увидели моряков, которые веселыми и немного хитрыми глазами смотрели на нас. «Что-то они задумали», – промелькнуло у меня в голове.

Перед нами вырос морской тральщик «Железняков» с бортовым номером 901! Это был самый ходовой корабль в НВМБ. На его борту на баке располагалась пушка АК-176, а на верхней палубе АК-630 и ПК-16. На юте установлены тралы, служившие для обнаружения и поднятия мин для дальнейшего их уничтожения с помощью пушки АК-630. Состав экипажа: 70 человек. Размеры: длина – 67,8 метров, ширина – 11 метров. Скорость полного хода: 18 узлов.

Пройдя на борт, мы попали сразу на ют корабля, это кормовая часть. Оттуда, пройдя по узкому темно-зеленому коридору, поднялись по трапу на верхнюю палубу и встали у кают компании, где находился наш кэп. Нас вызывали по одному на «собеседование» и оформление. Пока я ждал своей очереди, я заметил, что внутри корабля плохое освещение, вкуче с темно-зелеными стенами вырисовывалась довольно мрачная картина. Там была своя атмосфера. Все было непривычно: броняхи (двери), низкие подволоки (потолки), местами узкие проходы. Моряки внутри корабля передвигались как приматы на деревьях, цепляясь за комингс (дверной косяк), чтобы быстрее проскочить в другое помещение. Карабкались быстрыми шажками

по ступеням и скрывались в трюмах и машинных отделениях. А при звонке, который доносился в каждый уголок корабля, они вылазили из всех помещений в течение пары минут. Это был корабельный мир со своими правилами. Не зря моряки называют друг друга братьями, ведь если корабль пойдет ко дну, то он станет братской могилой. Когда меня пригласили в кают-компанию, передо мной появился упитанный усатый мужик, он сидел в кресле и читал. Он был очень похож на Михаила Круга. Звали его просто Кэп!

– Где учился? – спросил меня хрипловатым голосом командир.

– В нефтегазовом университете, – ответил я.

– О-о, с трубами, значит, знаком. Тогда будешь трюмачом! – улыбнулся Кэп.

С юмором у него было все в порядке, но он не пошутил, и таким образом я стал трюмачом. Трюмачи относились к боевой части 5 (БЧ-5). Вообще, на корабле экипаж делился на боевые части: БЧ-1 (кок, штурман, медик, писарь), БЧ-2-3 (артиллеристы, минеры), БЧ-4-7 (связь), БЧ-5 (мотористы, электрики и трюмачи), БЧ-6 (авиация, но на нашей коробке ее не было).

В задачу трюмных входило обеспечение водой, наполнение с помощью развертывания шлангов и подсоединения их к центральному водоснабжению на берегу, а также своевременная подача воды в определенное время. Трюмачей весело называли королями говна и пара! Когда я шел по коридору к своему кубрику (каюта матросов), передо мной появились парни невысокого роста, немного подвыпившие (видимо, праздновали приход молодых) и пригласили к себе в кубрик. Они были на полгода старше меня по призыву, наши «караси». Дружественно встретили и рассказали, что у нас будет следующие три дня – «золотые», то есть наши годки нас не будут трогать, но за это время мы должны выучить строение корабля и техническую часть, имена и фамилии наших годков, а также их номера. После этих трех дней нас будут спрашивать, и если не ответим, то будем получать «черепаху» или «лося». «Черепаху» ставили следующим образом: молодой нагибался и ему сверху, по задней стороне шеи, прилетало ладонью в форме лодочки, или похожий на панцирь черепахи. «Лось» пробивался после того, как матрос ставил руки перед собой, прислонив их к голове ладонями от себя, получались как бы рога, пробивался он кулаком. Нам была предоставлена необходимая информация в тетрадах. Ах да, забыл сказать, что мы пришли 27 декабря и три золотых дня пришлось на предновогоднюю суматоху.

4. Три золотых дня

Заселили меня в кубрик к связистам. Помещение состояло из двух отделений, в каждом из них располагались по две двухъярусные кочары друг напротив друга, как в поезде. Обитало там всего четыре человека, а остальные четыре кочары пустовали, так что места было довольно много. Связисты были из тех, кого редко можно было увидеть днем, так как они обычно пропадали в помещении, куда вход был разрешен только кэпу и дежурному по кораблю. Это помещение располагалось прямо напротив кубрика, что было довольно удобно. Один из них был мой «профсоюз» (на полтора года старше по призыву), два «годка», Дмитрий и Антон, и «карась» Димон. Не сказал бы, что все они были супергостеприимными и были рады мне, но каких-то претензий не припомню. Как-то одному я разок застелил кочару, как за дамой, ну да ладно, это типа было одно из составляющих дедовщины и сильно меня никак не задело, хотя приятного было немного.

Расположившись в кубрике и выслушав правила от Димы, а они были довольно специфичны и для гражданского довольно странные, более подробно опишу их в следующей главе, мы услышали звонок сбора у столовой на вечерний чай. Для меня было непривычно, так как в учебке и полуэкипаже чая не было. Мы все собрались в коридоре № 4 напротив «столовняка», и уже там я увидел почти весь наш экипаж. Довольно разношерстная компания, все разные, но в то же время парни как-то общались на одном языке, чувствовалась какая-то спокойная атмосфера после предыдущих мест обитания. Войдя в столовую, мы с Васей были поражены тем, что на столах стоял горячий сладкий чай и куски белого пшеничного хлеба с маслом и медом! Съели хлеб и выпили чай за считанные секунды. Это был гастрономический оргазм, так как мед был первой сладостью, попавшей на язык за последние два месяца. Все вокруг искося поглядывали и улыбались, так как знали это чувство впервые попавших на корабль.

– Спокойно ешьте, не торопитесь! – крикнули нам.

Так мы узнали, что на обед и ужин давалось около полутора часов, то есть если ты поел за 10 минут, у тебя было еще достаточно времени на свои какие-то дела. В последующем еще несколько дней мы не могли привыкнуть к спокойному размеренному завтраку, обеду, ужину и вечернему чаю.

Спалось шикарно, да вообще спится в армии прелестно, бессонницы там нет в принципе, так как весь день ты выполняешь какие-то функции, пусть порой даже бессмысленные, но ты что-то делаешь. Есть такая поговорочка: «Что бы матрос ни делал, лишь бы не отдышал». А вот и ответочка: «Идет матрос и смотрит в оба – он ищет место для про*ба!»

На следующий день нас разбудил корабельный звонок, оповещающий подъем. Было прохладно, за люмиком было темно и вставать совсем не хотелось. Зарядки у нас не было, так как кэп позволил в предновогодние дни расслабиться. Умывались ледяной водой, к чему впоследствии я привык, и даже продолжительное время после службы эта привычка не оставляла меня.

Как ранее я описал, нам были вручены тетради для изучения корабля и информации о своих годках. В силу того, что я имел высшее образование и чувство возможного опи***ливания, я за пару дней все изучил, причем времени на это было довольно-таки мало, так как все свободное время нас кидали на подготовку к Новому году. Все эти три дня мы были боевой единицей кока.

Что я могу сказать про нашего кока? Он был нашим годком и довольно импульсивным чувачком, который мог легко нырнуть с верхней палубы в воду головой вниз, в прямом смысле головой, без выставленных вперед рук.

Празднование Нового года было довольно скудным и физически напряженным. После газировочки и какой-то еды мы забрались на верхнюю палубу посмотреть салюты, которые были в городе. Наслаждались мы недолго, так как потом убрали и мыли посуду. В голову сразу

прилетело следующее: «Как Новый год встретишь, так его и проведешь». Так и завершился 2007 год и мои три золотых дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.